

Между пересыльной
тюрьмой и
дворянской гостиной:
книгоиздательские
проекты доктора Гааза
40-х гг. XIX в.

Between the Transit
Prison and the
Nobleman's Drawing-
room: Doctor Haas's
Publishing Projects in
the 1840s

**Илья Викторович
Семенов-Басин**

Российский государственный
гуманитарный университет
Москва, Россия

Ilya V. Semenenko-Basin

Russian State University for the
Humanities
Moscow, Russia

Резюме

Статья посвящена книгоиздательским проектам московского медика-филантропа Фридриха Йозефа Гааза и выполнена на материале архивных фондов духовной цензуры. Гааз издавал книги для исправления арестантов, следовавших через пересыльную тюрьму в Сибирь. «На полях» его просветительской деятельности возникли миссионерские издательские проекты, адресованные образованному городскому обществу. Гааз не мог ограничиться работой с тюремным контингентом: он стремился предложить русскому обществу христианскую литературу, выдержанную в традициях посттридентской духовности. В образованном дворянском обществе к тому времени книга и чтение оформились в особый социокультурный институт, знание французского языка закладывалось с детства. В такой

Цитирование: Семенов-Басин И. В. Между пересыльной тюрьмой и дворянской гостиной: книгоиздательские проекты доктора Гааза 40-х гг. XIX в. // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 1. С. 269–283.

Citation: Semenenko-Basin I. V. (2019) Between the Transit Prison and the Nobleman's Drawing-room: Doctor Haas's Publishing Projects in the 1840s. *Slověne*, Vol. 8, № 1, p. 269–283.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.1.10

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International

ситуации Гааз стремился обеспечить не влияние на русскую культуру текстов западного (римско-католического) христианства, но их присвоение русской культурой. Государственный запрет на прозелитизм сделал невозможной реализацию большей части этих замыслов. При этом институт духовной цензуры не вызывал у Гааза внутреннего протеста. Едва ли у Гааза, цензоров, правительственных чиновников, регламентировавших книгоиздание, существовали какие-то принципиальные разногласия по поводу христианского религиозного обращения. Цензоры исполняли волю правительства, принимая в книгоиздательских проектах Гааза все, что было созвучно государственным нормативным актам и политическим настроениям эпохи. Цензура не возражала, когда с проповедью христианского благонравия члены Тюремного комитета обращались к грубому и импульсивному тюремному контингенту. Неприемлемыми оказались попытки Гааза продвигать авторов Католической церкви в образованной среде.

Ключевые слова

христианское просвещение, христианство в России, институт цензуры, пост-тридентская духовность, книгоиздание

Abstract

The article is dedicated to the publishing projects of doctor Haas, a Moscow medical man and philanthropist, and is based on the materials of the ecclesiastical censorship archival holdings. Haas published books aimed at the reforming of convicts who went to Siberia through transit prison. 'On the margins' of his enlightenment activities missionary publishing projects, addressed to the educated urban society, were established. Haas could not confine himself to working with prisoners; he wanted to offer the Russian society Christian literature following the traditions of post-Tridentine spirituality. By this time, books and reading had taken shape as a specific sociocultural institute in the educated noble society, where the knowledge of French was acquired from childhood. In such circumstances Haas aimed to ensure not the influence, but the assimilation of Western (Roman Catholic) Christian texts into the Russian culture. The state ban on proselytism rendered the implementation of the most of these projects impossible. However, the institute of the ecclesiastical censorship itself did not rouse inner remonstrance in him. The opinions of Haas and of censors, governmental officials, who regulated the publishing, concerning conversion were hardly divergent. All of them assessed religious conversion positively. The censors followed the orders of the government, accepting in Haas's publishing projects everything that was in line with state legal norms and political attitudes of those times. The censors did not contradict when the members of the Prison Committee preached Christian kindness to rude and aggressive prisoners. But Haas's attempts to promote Catholic authors in educated circles turned out to be unacceptable.

Keywords

Christian enlightenment, Christianity in Russia, institute of censorship, post-Tridentine spirituality, book publishing

Российское христианское книгоиздание в царствование Николая I, как правило, представляется нам рутинной обязанностью ведомства православного исповедания, дополненной инициативными проектами светских писателей (А. Н. Муравьева, А. П. Глинки) и осложненной подпольными изданиями старообрядческих типографий.

Такое представление возникает из-за контраста с более ранними событиями. В начале XIX в., в атмосфере своеобразного мистицизма Александра I и его окружения, христианское книгоиздание в России испытало сильное влияние интерконфессиональных начинаний правительства [Кондаков 1998; Зорин 2001: 269–335]. Эти универсалистские начинания, в частности, деятельность членов Британского и иностранного библейского общества (The British and Foreign Bible Society), учредивших в Санкт-Петербурге Российское библейское общество, могут быть определены не только как религиозные, но одновременно и как пацифистские, нацеленные на обеспечение общеевропейского мира после Наполеоновских войн.

Постепенный отказ правительства от экуменических и универсалистских деклараций самым непосредственным образом сказался на российском книгоиздании; достаточно вспомнить внезапный обрыв в 1826 г. бурной книгоиздательской деятельности Российского библейского общества. Дальнейшее развитие христианского книжного дела — с 20-х гг. XIX в. и вплоть до эпохи Великих реформ — может показаться монотонным и зарегламентированным. Притом неизученными остаются попытки миссионерского распространения печатного слова, имевшие место вне официальной церковной сферы, на некотором отдалении от общепринятой православной книжности, но также и не соприкасавшиеся с гетеродоксальной масонской субкультурой.

Реконструкция таких проектов возможна с опорой на архивные фонды комитетов духовной цензуры. Как показал Д. А. Карпук, они содержат источники не только по истории собственно института цензуры, но и по истории литературного процесса в России [Карпук 2013]. Вместе с тем исследователи редко затрагивают тематику российской духовной цензуры: ее обошли молчанием авторы фундаментальной энциклопедии Д. Джонса «Цензура» [Jones, 1–4], ни один духовный цензор не упомянут в исчерпывающем справочнике цензоров Российской империи [Фирсов 2013].

Ко времени интересующих нас событий духовная цензура руководствовалась Уставом от 22 апреля 1828 г., причем правила работы цензоров непрерывно ужесточались на протяжении 30–50-х гг. XIX в. [Котович 1909: 201–482; Рейфман 2014: 116–184]. В фондах Московского комитета духовной цензуры (далее — МКДЦ), хранящихся в Центральном

государственном архиве г. Москвы (далее — ЦГАМ), отложились документы, связанные с деятельностью московского филантропа, тюремного врача Фридриха Йозефа (Федора Петровича) Гааза (1780–1853) [Корсунский 1893; Кони 1968; Нежный 2002; Beckmann-Kuhn 2012; Блохина 2013]. В разные годы Гааз более или менее успешно ходатайствовал об издании своих сочинений; в данной работе речь пойдет только о тех его ходатайствах, которые касались книг христианско-просветительского жанра.

Известный медик, уроженец Германии, с 1806 г. — житель Москвы, сотрудник Московского попечительного о тюрьмах комитета (далее этот институт для краткости именуется Тюремным комитетом), Гааз посвятил много сил и времени служению заключенным и бездомным.

Попечительное о тюрьмах общество, составной частью которого был московский Тюремный комитет, учредил в 1819 г. Александр I, откликнувшись тем самым на инициативу филантропов из Лондонского общества для улучшения порядка в тюрьмах и исправления несовершеннолетних преступников (Society for the Improvement of Prison Discipline and for the Reformation of Juvenile Offenders). Укрепляя институты благотворительности, российское правительство ориентировалось на британский опыт. Отметим, что идеи и дух пенитенциарных реформ конца XVIII — середины XIX вв. предполагали посещение заключенных, оказание им медицинской помощи и посильное нравственное исправление преступников [Гернет 1951, 1: 97–103, 277–287; Idem, 2: 15–59; Васильева 2017]. В России меры по улучшению тюремного дела стали неуклонно применяться в царствование императора Николая I — в рамках усовершенствования социального контроля и кодификации права [Гернет 1951, 1: 108–110; Idem, 2: 33–56]. Вне этого дисциплинарного контекста члены Тюремного комитета едва ли сумели бы найти приложение своей кипучей энергии.

Вместе с коллегами по Тюремному комитету Гааз составил и издал в 1840 г. (2-е изд.: 1842) первую в истории русскую книгу для заключенных «Об оставлении бранных и укоризненных слов, и вообще неприличных на счет ближнего выражений» [АБВ 1840; Ibid. 1842]. Тем самым сотрудники Тюремного комитета подхватили эстафету княгини Софьи Сергеевны Мещерской (1775–1848) и членов Российского библейского общества, выпускавших ранее многочисленные издания для внутренней христианской миссии [Котович 1909: 296–304].

В 1841 г., представив на рассмотрение МКДЦ второе, значительно переработанное издание книги против злословия, Гааз вместе с коллегами дополнил его двумя главами из «Трактата о любви к Богу» Франциска Сальского в русском переводе (его автор неизвестен) [ЦГАМ-1752:

л. 1; ЦГАМ-3636: лл. 15об.–16; ЦГАМ-3641: лл.12 об.–13]. Книга против злословия демонстрирует стремление Гааза и его единомышленников не только контролировать речь и поведение арестантов, но также открыть им любовь Божью (agarē).

Здесь надо пояснить, что «Трактат о любви к Богу», компендиум западнохристианской мистики, адресованный людям Нового времени, написал Франциск Сальский (François de Sales; 1567–1622), католический епископ Женевы (в 1877 г. провозглашенный Учителем Церкви). Для Франциска характерна смена акцентов с чисто физических аспектов христианского подвижничества на невидимое хранение ума и чувств. Заслуга женева епископа, по словам современного богослова, в том, «что он вывел христианскую духовность за монастырские стены, в которых она томилась, как в заточении, долгие века» [Омэнн 1994: 273]. Вместо аскетической жестокости по отношению к себе Франциск учил кроткой жизни с Богом.

В России труды Франциска Сальского были хорошо известны в высших кругах общества и в духовной среде. Наряду с трактатом «Об истинном христианстве» Иоганна Арндта они входили в репертуар чтения учащихся Московской духовной академии [Флоровский 1991: 131, 191]. Выписки из Франциска Сальского, относящиеся к внутренней жизни христианина, сохранились в келейном дневнике митрополита Филарета (Дроздова) за 1827 г. [Ходзинский 2004: 10–11; Филарет 2004: 25–28; Смирнова 2010]; позднее, во второй пол. XIX в., к Франциску Сальскому обращался епископ Феофан Затворник. Таким образом, труды женева епископа не были чуждыми русскому духовенству, в том числе и членам МКДЦ.

Второе издание книги, направленной против злословия, благополучно прошло цензуру, причем цензор протоиерей Федор Голубинский в своем отзыве от 25 ноября 1841 г., предназначенном исключительно для служебного пользования, писал: «Все мысли, как в сих двух главах [Франциска Сальского. — И. С.-Б.], так и во всей книжке содержащиеся, согласны с чистым учением христианским и весьма назидательны; слог чист» [ЦГАМ-50: л. 107об.–108].

Франциск Сальский.

«Различные письма к людям, живущим в миру»

Надо полагать, что удача с прохождением текста Франциска Сальского ободрила доктора Гааза. В следующем 1842 г. он обратился в МКДЦ с предложением, которое может быть названо интерконфессиональным миссионерским проектом. 10 декабря 1842 г. Гааз написал письмо с просьбой разрешить ему перепечатать в Москве по-французски «Lettres

diverses de S. François de Sales à des personnes vivant dans le monde» («Различные письма святого Франциска де Саль к людям, живущим в миру»), изданные во Франции [ЦГАМ-1880: л. 2; François 1820].

Едва ли данное переиздание предназначалась для ссыльных и заключенных католиков, читавших по-французски, поскольку таковых в московской пересыльной тюрьме должно было быть ничтожно мало. Замечательно, что Гааз не обращался в Римско-католическую духовную коллегию с просьбой об издании каких бы то ни было книг на иностранных языках. В фондах римско-католической церковной администрации в России, хранящихся в Российском государственном историческом архиве, никаких документов на сей счет не выявлено. Именно Римско-католическая духовная коллегия осуществляла цензурирование книг, предназначавшихся для католиков Российской империи.

Скорее всего, Гааз собирался издавать «Различные письма...» не для франкоговорящих арестантов; он стремился передать духовные драгоценности русскому обществу, образованным мирянам, *людям сороковых годов*. Напрашивается вопрос: почему именно Франциск Сальский?

Гааз был практикующим римо-католиком. Известно, что он хранил у себя дома часть мощей Франциска Сальского, молился перед святыней [Гааз 1912а: 342; Гааз 1912б: 208; Нежный 2002: 466]. В учительстве Женевского епископа Гааза, скорее всего, привлекала гармония между радикализмом Евангелия и европейским гуманизмом Нового времени. Пастырские намерения Франциска Сальского состояли в том, «чтобы духовно направить остающихся в миру, продолжающих работать по своей специальности, живущих семьями и ошибочно считающих, что благочестивая жизнь и стремление к ней предназначены не для них» [Омэнн 1994: 274].

В цензурном комитете Гааз потерпел неудачу. В своем отрицательном отзыве, представленном комитету 21 мая 1843 г., цензор протоиерей Петр Делицын заметил, в частности, что Франциска Сальского и других упомянутых западных святых, как не прославленных Православной церковью, не следовало бы именовать в печати святыми, равно как и не следовало бы рекомендовать русским читателям исполнять обряды Католической церкви и читать католическую духовную литературу («Все таковые советы бесполезны, если не вредны для читателей православных» [ЦГАМ-1880: л. 3]).

Судя по документам, в самом намерении издавать Франциска Сальского члены МКДЦ усмотрели попытку прозелитизма, запрещенного законами Российской империи для представителей западных (неправославных) конфессий [ЦГАМ-52: лл. 40об.–41; ЦГАМ-1880: лл. 1, 3–3об.; ЦГАМ-3650: лл. 9об.–10].

Книга, полюбившаяся Гаазу, не обошла стороной Россию. Комитет иностранной цензуры, контролировавший таможенно и ввоз книг в Россию, не препятствовал появлению сочинений Франциска Сальского в частных библиотеках священнослужителей и дворян. Например, в первой пол. XIX в. французский оригинал «Различных писем святого Франциска де Саль к людям, живущим в миру» (Paris, 1820) поступил в одну из домашних дворянских библиотек Новгородской губернии [Морозова 1993: 359].

Митрополит Филарет (Дроздов).

«Слово в годовщину коронавания императора Николая I»

21 октября 1843 г. МКДЦ слушал прошение Гааза о «Слове в годовщину коронавания императора Николая I» митрополита Московского Филарета (Дроздова), произнесенном 22 августа 1842 г., и о «Histoires et paraboles» («Истории и притчи») Бонавентуры Жиродо на французском языке [ЦГАМ-52: л. 79об.].

К сожалению, последующие документы о цензурировании «Слова в годовщину...» не сохранились.

Проповедь митрополита Филарета посвящена благоустройству государства и христианской обязанности распространять добро. Этот текст мог привлечь внимание Гааза тематикой социальной любви. Начав свою проповедь с восхваления иерархического и персоналистского режима, митрополит Филарет предложил слушателям облегчить бремена царя взаимным участием, взаимопомощью [Филарет, 4: 181–187].

Оратор развернул программу активного благочестия мирян, которые не подменяют учителей Церкви в их специфическом пастырском служении, но практикуют братолюбие в общественных взаимоотношениях. Несомненно, такая программа действий совпадала с самыми глубинными устремлениями Гааза. Здесь находилась точка соединения двух проекций — христианского активизма медика-филантропа и консервативного истолкования монархической государственности.

Из протоколов Тюремного комитета известно, что Гааз получил цензурное разрешение на издание «Слова в годовщину...» [Нежный 2002: 378, 384]. Брошюра издавалась неоднократно; в 1847 г. она была вновь отпечатана тиражом 2000 экземпляров для раздачи арестантам и служащим пенитенциарных учреждений.

Бонавентура Жиродо. «Истории и притчи»

Прошение Гааза о переиздании книги «Histoires et paraboles» («Истории и притчи»), принадлежавшей перу французского священника-иезуита

Бонавентуры Жиродо (Bonaventure Giraudeau, 1697–1774), датировано 16 октября 1843 г. [ЦГАМ-1955: л. 2; Giraudeau 1837].

Сборник назидательных рассказов, сюжеты которых заимствованы из Библии и сочинений античных авторов, Жиродо издал в Париже в 1766 г. На протяжении всего XIX в. книга была чрезвычайно популярна, многократно переиздавалась во Франции, переводилась на испанский и немецкий языки.

Дидактические задачи решались Жиродо нарративным методом, что, впрочем, нисколько не нарушало традиций старинного библейского жанра притчи. Разнообразные жизненные сцены подводили читателя к моральным ценностям христианства. Надо полагать, как и в случае с «Различными письмами...» Франциска Сальского, Гааз предназначал «Истории и притчи» Жиродо не для арестантов, а для образованного городского общества.

Свой положительный отзыв протоиерей Делицын представил комитету 22 ноября 1843 г. [ЦГАМ-52: лл. 98об.–99; ЦГАМ-1955: лл. 3–3об.]. Впрочем, Делицын одобрил издание «Историй и притч» только по-французски и с сокращениями. В частности, должна была быть исключена новелла, в которой супружеская любовь язычника к язычнице представлялась образом любви Иисуса Христа к верной душе.

МКДЦ пропустил книгу в печать с сокращениями [ЦГАМ-52: лл. 79об., 98об.–99; ЦГАМ-3650: лл. 21об.–22; ЦГАМ-3654: лл. 13об.–14], но издана она не была. Вероятно, Гааз просто не нашел для этого денег.

Томас Иисуса. «Страсти Господа нашего Иисуса Христа»

Так и не издав книгу Жиродо, 14 июля 1844 г. Гааз обратился в МКДЦ с просьбой одобрить сочинение на французском языке «Les Souffrances de Notre-Seigneur Jésus-Christ» («Страсти Господа нашего Иисуса Христа»), представлявшее собой компиляцию из книги португальского августинца Томаса Иисуса (Thomas de Jésus de Andrade, 1529–1582) во французском переводе [ЦГАМ-2157: л. 2]. В МКДЦ была представлена рукопись в восьмую часть листа, на ста сорока шести страницах.

Томас Иисуса де Андраде — крупнейший духовный писатель Португалии. Книгу о страстях Христовых он написал в тюрьме, в марроканском плену, где оказался после разгромной для португальцев битвы при Эль-Ксар-эль-Кебире (1578). В пятидесяти размышлениях Томас Иисуса представляет читателю страдания Искупителя с момента рождения и скрытой жизни в Назарете до Крестного пути и смерти на Голгофе. Созерцания страстей перемежаются пламенными молитвами. Сочинение имеет ярко выраженный практический характер, побуждая читателя к сопереживанию Христу и углублению веры.

Книга Томаса Иисуса была издана посмертно; переводилась на латинский, итальянский, испанский, английский и немецкий языки. Французский перевод книги, выполненный священником Жилем Алюмом, впервые увидел свет в 1692 г. [Thomas, 1–2] и многократно переиздавался на протяжении XVIII–XIX вв. Велика вероятность, что франкоязычную компиляцию, отправленную в МКДЦ, Гааз составил собственноручно.

29 октября 1845 г. цензор протоиерей Делицын представил комитету отрицательный отзыв [ЦГАМ-2157: лл. 4–6об.]. Сравнив рукопись с французским печатным оригиналом, цензор обнаружил прибавления, внесенные составителем. Дотошно перечислив в отзыве все замеченные огрехи, Делицын посчитал прибавления составителя лингвистически неудачными и неверными с богословской точки зрения. МКДЦ постановил вернуть рукопись Гаазу без одобрения [ЦГАМ-2157: л. 3; ЦГАМ-3662: лл. 15об.–16].

Митрополит Филарет (Дроздов).

«Слово по освящении церкви Богородицы Взыскательницы Погибших, устроенной при замке пересыльных арестантов»

Не дожидаясь решения о франкоязычной компиляции из «Страстей Господа...» Томаса Иисуса, Гааз 15 июня 1845 г. обратился в МКДЦ с просьбой пропустить в печать французский перевод беседы митрополита Московского Филарета (Дроздова) 23 декабря 1843 г. после освящения церкви в пересыльном тюремном замке Москвы. Судя по всему, автором перевода был сам Гааз, просивший о публикации билингвы — русского оригинала вместе с переводом [ЦГАМ-2037: л. 2].

Беседа митрополита Филарета в церкви пересыльной тюрьмы посвящена христианской любви. Риторически вопрошая, как можно было устроить церковное здание в тюрьме, поместить святыню среди отъявленных грешников, Филарет утверждал, что такое парадоксальное следование Церкви за грешниками объясняется христианской любовью. Именем Иисуса митрополит Филарет торжественно благословил труды членов Тюремного комитета [Филарет, 4: 278–284].

Запрос Гааза, отправленный в июне 1845 г., цензура рассмотрела значительно быстрее, нежели предыдущий, касавшийся книги Томаса Иисуса. 30 июня 1845 г., заслушав неодобрительный отзыв Делицына, отметившего тринадцать серьезных погрешностей французского перевода, МКДЦ отказал Гаазу в публикации [ЦГАМ-2037: лл. 4–4об.; ЦГАМ-3662: лл. 12об.–13].

Новая версия перевода была подготовлена при участии Адольфа Пако (Adolf Pascault), преподавателя Московского университета и Московского училища ордена Св. Екатерины. Цензором исправленного

перевода вновь выступил Делицын. Рукопись, поступившая в МКДЦ 12 декабря 1845 г., пропущена в печать 17 января 1846 г. [ЦГАМ-3663: лл. 2 об.–3].

Замечательно, что данный текст переводил не один только Гааз. В знак почтения к Филарету его беседу перевел на французский П. Я. Чаадаев. Осенью 1844 г. перевод (в выдержках, с редакционным комментарием) появился на страницах парижского журнала [Philarète 1844]. Судя по редакционному комментарию и ответному письму Чаадаева редактору журнала, проповедь митрополита Филарета произвела сильное впечатление [Чаадаев 1900; Idem, 2: 173–174, 484]. В московском архипастыре склонны были видеть сановника, занимающего высочайшую должность, а его беседа вдохновляла филантропов оказывать милосердную помощь преступникам, нарушившим законы.

Гааз, друживший с Чаадаевым, не мог не знать о публикации его перевода в Париже в 1844 г., но выполнил тем не менее свой собственный перевод, который можно воспринимать как своего рода оммаж митрополиту Филарету. Медик-филантроп был благодарен за церковь для арестантов и за полученное благословение.

В период 1848–55 гг., именуемый в историографии эпохой цензурного террора [Лемке 1904: 185], доктор Гааз обращался в МКДЦ с просьбами пропустить в печать брошюру на французском «Appel aux femmes» («Призыв к женщинам»), а также латинский текст своего собственного письма к архимандриту Макарию (Глухареву) (1792–1847), миссионеру, переводчику Библии. Оба эти текста Гааза, одобренные цензурой, не относились к христианско-просветительскому жанру в строгом смысле. В 1853 г. Гааза не стало.

Заключение

Доктор Гааз дружил со многими замечательными москвичами, с И. П. Киреевским, П. Я. Чаадаевым и другими. Современники, в частности, московский врач Н. К. Беркут, запомнили Гааза в двух социальных ролях: в княжеской гостиной, среди христиански настроенных людей, в своем кругу, и в тюремном пространстве среди арестантов, осужденных, изгоев общества [Беркут 1911: 888–890].

Гааз стремился выйти за стены пенитенциарных учреждений с миссионерскими начинаниями, спроецированными на образованные городские классы России. Замечательно, что интерконфессиональные проекты в данном случае были не первичны, но появлялись «на полях» просветительской активности в пенитенциарной системе.

В общеевропейском культурно-политическом контексте Гааз предстает фигурой послереволюционной и посленаполеоновской Реставрации, энтузиастом восстановления христианской веры. И на русской

службе миссионерское усилие медика-филантропа вдохновлялось тем же импульсом распространения веры. При этом миссия Гааза, в отличие от миссии его современников, русских аристократов, обратившихся в католичество [Bakhmetyeva 2016], лишена духа эксперимента и конструирования реальности. Хорошо понимая, что в образованном русском обществе книга и чтение оформились в особый социокультурный институт, а знание французского языка закладывалось с детства, Гааз стремился обеспечить не влияние на русскую культуру текстов западного (римско-католического) христианства, но их присвоение русской культурой.

Институт духовной цензуры, равно как и российский монархический ритуал, судя по всему, не вызывал у Гааза внутреннего протеста. Напротив, государственная политика дисциплинирования и социального контроля представлялась Гаазу «трамплином» для движения дальше, к более настойчивой христианизации, внутренней христианской миссии в России. Во времена доктора Гааза цензурирование печатных изданий для верующего человека обосновывалось благоговением, то есть страхом в чем бы то ни было преступить Божественный закон. В католической Европе институт Индекса запрещенных книг существовал с XVI в., церковное цензурирование печатных изданий было делом обыденным. Незадолго до рассмотренных нами событий необходимость духовной цензуры подтвердил Папа Григорий XVI в энциклике «*Mirari vos*» (1832), осуждавшей многообразные проявления религиозного индифферентизма. В этой энциклике были отвергнуты любые намерения уничтожить институт цензуры.

МКДЦ исполнял волю правительства, принимая в книгоиздательских проектах Гааза все, что было созвучно государственным нормативным актам и политическим настроениям эпохи. Общий тон во взаимоотношениях цензоров с Гаазом задавал законодательный запрет на прозелитизм в России. Наем иностранных специалистов не предусматривал развертывание этими специалистами, в том числе медиками, каких-либо неоговоренных проектов в идеологической сфере.

Цензура не возражала, когда с проповедью христианского благонравия члены Тюремного комитета обращались к грубому и импульсивному тюремному контингенту. Упомянутая выше книга, приучавшая читателя очищать речь от любого злословия и ругательств из любви к Богу, прошла через цензуру без серьезных осложнений. Неприемлемыми оказались попытки Гааза продвигать авторов Католической церкви в образованной среде.

Библиография

Сокращенные названия архивов

ЦГАМ — Центральный государственный архив г. Москвы

Источники

Рукописи

ЦГАМ-50

ЦГАМ, ф. 2393, оп. 1, д. 50, *Журнал заседаний Московского комитета для цензуры духовных книг за 1841 г.*

ЦГАМ-52

ЦГАМ, ф. 2393, оп. 1, д. 52, *Журнал заседаний Московского комитета для цензуры духовных книг за 1843 г.*

ЦГАМ-1752

ЦГАМ, ф. 2393, оп. 1, д. 1752, *О рукописи, поступившей от Ф. Гааза, «А. Б. В. христианского благонравия», 1841 г.*

ЦГАМ-1880

ЦГАМ, ф. 2393, оп. 1, д. 1880, *О книге "Lettres diverses de S. François de Sales à des personnes vivant dans le monde", 1842 г.*

ЦГАМ-1955

ЦГАМ, ф. 2393, оп. 1, д. 1955, *О книге "Histoires et paraboles du Père Bonaventure Giraudeau", 1843 г.*

ЦГАМ-2037

ЦГАМ, ф. 2393, оп. 1, д. 2037, *О рукописи "Discours prononcé après la consécration de l'église de la très sainte Mère de Dieu... à Moscou le 23 Décembre 1843 par Philarète, métropolitaine de Moscou", 1845 г.*

ЦГАМ-2157

ЦГАМ, ф. 2393, оп. 1, д. 2157, *О рукописи "Considérations sur la souffrances de Notre Seigneur Jésus-Christ", 1848 г.*

ЦГАМ-3636

ЦГАМ, ф. 2393, оп. 1, д. 3636, *Ежемесячные отчеты о рассмотренных рукописях, книгах и картинах за 1841 г.*

ЦГАМ-3641

ЦГАМ, ф. 2393, оп. 1, д. 3641, *Ежемесячные отчеты за октябрь–декабрь 1841 г.*

ЦГАМ-3650

ЦГАМ, ф. 2393, оп. 1, д. 3650, *Ежемесячные отчеты о рассмотренных рукописях, книгах и картинах за 1843 г.*

ЦГАМ-3654

ЦГАМ, ф. 2393, оп. 1, д. 3654, *Ежемесячные отчеты за октябрь–декабрь 1843 г.*

ЦГАМ-3662

ЦГАМ, ф. 2393, оп. 1, д. 3662, *Ежемесячные отчеты о рассмотренных сочинениях за 1845 г.*

ЦГАМ-3663

ЦГАМ, ф. 2393, оп. 1, д. 3663, *Ежемесячный и годовой отчет о сочинениях, рассмотренных в 1846 г.*

Литература

АБВ 1840

А. Б. В. *христианского благонравия: Об оставлении бранных и укоризненных слов, и вообще неприличных на счет ближнего выражений*, [Москва, 1840].

АБВ 1842

А. Б. В. *христианского благонравия: Об оставлении бранных и укоризненных слов, и вообще неприличных на счет ближнего выражений, или О начатках любви к ближнему*, [Москва, 1842].

Беркут 1911

Беркут Н. К., Записки, *Исторический вестник*, 126 (12), 1911, 876–905.

Блохина 2013

Блохина Н. Н., Клинические взгляды врача-гуманиста Ф. П. Гааза (первая четверть XIX века). К 200-летию выхода в свет труда F. J. Naas “Ma visite aux Eaux d’Alexandre en 1809 et 1810” (М., 1811) — Ф. П. Гааз «Моя поездка в Александровские воды в 1809 и 1810 гг.» (М., 1811), *Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры*, 90 (4), 2013, 57–62.

Васильева 2017

Васильева С. А., Христианская этика как интеллектуальный источник британских тюремных реформ XVIII века, *Диалог со временем*, 61, 2017, 191–203.

Гааз 1912a

[Гааз Ф. П.], Копия с завещания Ф. П. Гааза (из архива моск<овского> надворного суда), *Шукинский сборник*, 10, 1912, 340–344.

Гааз 1912б

[Гааз Ф. П.], Завещание Федора Петровича Гааза, *Русский архив*, 2 (6), 1912, 206–211.

Гернет, 1–4

Гернет М. Н., *История царской тюрьмы*, 2-е изд., 1–4, Москва, 1951–1954.

Зорин 2001

Зорин А., *Кормя двуглавого орла. Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века*, Москва, 2001.

Карпук 2013

Карпук Д. А., Материалы фонда Санкт-Петербургского духовно-цензурного комитета (РГИА. Ф. 807) как исторический источник по истории духовной цензуры в XIX в., *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 4, 5 (21), 15.10.2013 (<http://mes.igh.ru/s207987840000574-0-1>; дата последнего обращения: 25.07.2019).

Кондаков 1998

Кондаков Ю. Е., *Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825)*, С.-Петербург, 1998.

Кони 1968

Кони А. Ф., Федор Петрович Гааз: Биографический очерк, Кони А. Ф., *Собрание сочинений*, 5, Москва, 1968, 288–422.

Корсунский 1893

Корсунский И. Н., *Русская благотворительность: Филарет, митрополит Московский, и Ф. П. Гааз*, Москва, 1893.

Котович 1909

Котович А., *Духовная цензура в России (1799–1855 гг.)*, С.-Петербург, 1909.

Лемке 1904

Лемке М., *Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия*, С.-Петербург, 1904.

Морозова 1993

Морозова Н. П., Библиотека дворян Башмаковых-Верещагиных (XVIII – начало XIX в.), XVIII век, 18, 1993, 351–363.

Нежный 2002

Нежный А., сост., коммент., *Врата милосердия: Книга о докторе Гаазе*, Москва, 2002.

Омэнн 1994

Омэнн Д., *Христианская духовность в католической традиции*, пер. с англ., Рим, Люблин, 1994.

Рейфман 2014

Рейфман П. С., *Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России*, 1, Москва, 2014.

Смирнова 2010

Смирнова И. Ю., К вопросу о западных влияниях в гомилетике святителя Московского Филарета (Размышления над «Келейными записками» святителя), *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 3, 2010, 224–240.

Филарет 2004

[Филарет (Дроздов), митр.], Келейный дневник святителя Филарета, *Филаретовский альманах*, 1, 2004, 21–70.

Филарет, 1–5

[Филарет (Дроздов), митр.], *Творения. Слова и речи*, 1–5, Москва, 2003–2007.

Фирсов 2013

Фирсов В. Р., ред., *Цензоры Российской империи. Конец XVIII – начало XX века: библиографический справочник*, С.-Петербург, 2013.

Флоровский 1991

Флоровский Г., *Пути русского богословия*, Вильнюс, 1991.

Ходзинский 2004

Ходзинский П., О келейном дневнике святителя Филарета, *Филаретовский альманах*, 1, 2004, 6–20.

Чаадаев 1900

[Чаадаев П. Я.], Из переписки Чаадаева. 1845 г. По поводу статьи в журнале "Le Semeur": "Un sermon à Moscou", *Вестник Европы*, 12, 1900, 465–476.

Чаадаев, 1–2

Чаадаев П. Я., *Полное собрание сочинений и избранные письма*, 1–2, Москва, 1991.

Bakhmetyeva 2016

Bakhmetyeva T. V., *Mother of the Church: Sofia Svechina, the Salon and the Politics of Catholicism in Nineteenth-Century Russia and France*, DeKalb, 2016.

Beckmann-Kuhn 2012

Beckmann-Kuhn J., Medizin als Lebenspraxis des Humanen: Studien zum Lebensweg des Arztes und Philanthropen Friedrich Joseph Haas (1780–1853) im Umbruch von Aufklärung, Revolution und Restauration (Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades am Historischen Institut der RWTH, Aachen, 2012).

François 1820

[François de Sales], *Lettres diverses de S. François de Sales à des personnes vivant dans le monde*, Paris, 1820.

Giraudeau 1837

[Giraudeau B.], *Histoires et paraboles du Père Bonaventure Giraudeau, suivies de diverses autres histoires et paraboles, et d'un abrégé des principales vérités de la religion*, Paris, 1837.

Jones, 1–4

Jones D., ed., *Censorship: A world encyclopedia*, 1–4, London, Chicago, 2001.

Philarète 1844

[Philarète Drozdov], Un sermon a Moscou, *Le Semeur, journal philosophique et littéraire*, 13 (40), 1844, 318–319.

Thomas, 1–2

[Thomas de Jésus], *Les Souffrances de Notre Seigneur Jésus-Christ pendant sa Passion*, trad. G. Alleaume, 1–2, Paris, 1692.

References

Bakhmetyeva T. V., *Mother of the Church: Sofia Svezhina, the Salon and the Politics of Catholicism in Nineteenth-Century Russia and France*, DeKalb, 2016.

Blokhina N. N., Klinicheskie vzgliady vrachagumanista F. P. Gaaza (pervaia chetvert' XIX veka). K 200-letiiu vykhoda v svet truda F. J. Haas "Ma visite aux Eaux d'Alexandre en 1809 et 1810" — F. P. Gaaz «Moia poezdka v Aleksandrovskie vody v 1809 i 1810 gg.» (M., 1811), *Voprosy kurortologii, fizioterapii i lechnoi fizicheskoi kul'tury*, 90 (4), 2013, 57–62.

Chaadaev P. Ya., *Polnoe sobranie sochinenii i izbrannye pis'ma*, 1–2, Moscow, 1991.

[Filaret (Drozdov), mitr.], Keleinyi dnevnik sviatitelia Filareta, *Filaretovskii al'manakh*, 1, 2004, 21–70.

[Filaret (Drozdov), mitr.], *Tvoreniia. Slova i rechi*, 1–5, Moscow, 2003–2007.

Firsov V. R., ed., *Tsenzory Rossiiskoi imperii. Konet XVIII – nachalo XX veka: biobibliograficheskii spravochnik*, St. Petersburg, 2013.

Florovsky G., *Puti russkogo bogosloviia*, Vilnius, 1991.

Gernet M. N., *Istoriia tsarskoi tiur'my*, 2nd ed., 1–4, Moscow, 1951–1954.

Jones D., ed., *Censorship: A world encyclopedia*, 1–4, London, Chicago, 2001.

Khodzinsky P., O keleinom dnevnike sviatitelia Filareta, *Filaretovskii al'manakh*, 1, 2004, 6–20.

Kondakov Yu. E., *Dukhovno-religioznaia politika Aleksandra I i russkaia pravoslavnaia oppozitsiia (1801–1825)*, St. Petersburg, 1998.

Koni A. F., Fedor Petrovich Gaaz: Biograficheskii ocherk, Koni A. F., *Sobranie sochinenii*, 5, Moscow, 1968, 288–422.

Morozova N. P., Biblioteka dvorian Bashmakovykh-Vereshchaginykh (XVIII – nachalo XIX v.), *XVIII vek*, 18, 1993, 351–363.

Nezhnyy A., ed., *Vrata miloserdiiia: Kniga o doktore Gaaze*, Moscow, 2002.

Omenn D., *Khristianskaia dukhovnost' v katolicheskoi traditsii*, Rome – Lublin, 1994.

Reifman P. S., *Tsenzura v dorevolutsionnoi, sovet-skoi i postsovetskoi Rossii*, 1, Moscow, 2014.

Smirnova I. Yu., K voprosu o zapadnykh vliianiakh v gomiletike sviatitelia Moskovskogo Filareta (Razmyshleniia nad "Keleinyimi zapiskami" sviatitelia), *Gosudarstvo, religiiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 3, 2010, 224–240.

Vasilyeva S. A., Khristianskaia etika kak intellektual'nyi istochnik britanskikh tiuremykh reform XVIII veka, *Dialog so vremenem*, 61, 2017, 191–203.

Zorin A., *Kormia dvuglavogo orla. Russkaia literatura i gosudarstvennaia ideologiia v poslednei treti XVIII – pervoi treti XIX veka*, Moscow, 2001.

Илья Викторович Семенов-Басин, доктор исторических наук

Российский государственный гуманитарный университет,

профессор Учебно-научного центра изучения религии

125993 Москва, Миусская пл., 6

Россия/Russia

vivere.est@gmail.com

Received January 28, 2019